

Журнал "Крестьянка"

№10, Октябрь 1955

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Крестьянка": №10, Октябрь 1955 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45226-7

"Крестьянка" - это журнал, известный каждой женщине в Советском Союзе. "Крестьянка" и "Работница" два журнала про женщин и все, что их волнует: красота, здоровье, работа и карьерный рост, культура, психологическая помощь, решение проблем в доме и в семье. Среди авторов журнала в разные годы были А. В. Луначарский, Демьян Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, А. Т. Твардовский и многие другие известные писатели. Журнал был также известен тем, что имел собственную сеть корреспондентов из народа (селькоров). Первый номер вышел в июне 1922 году, тиражом в пять тысяч экземпляров, а в 1973 году - 6 миллионов 300 тысяч. Журнал также продавался в Германии и Испании.

ISBN 978-5-458-45226-7

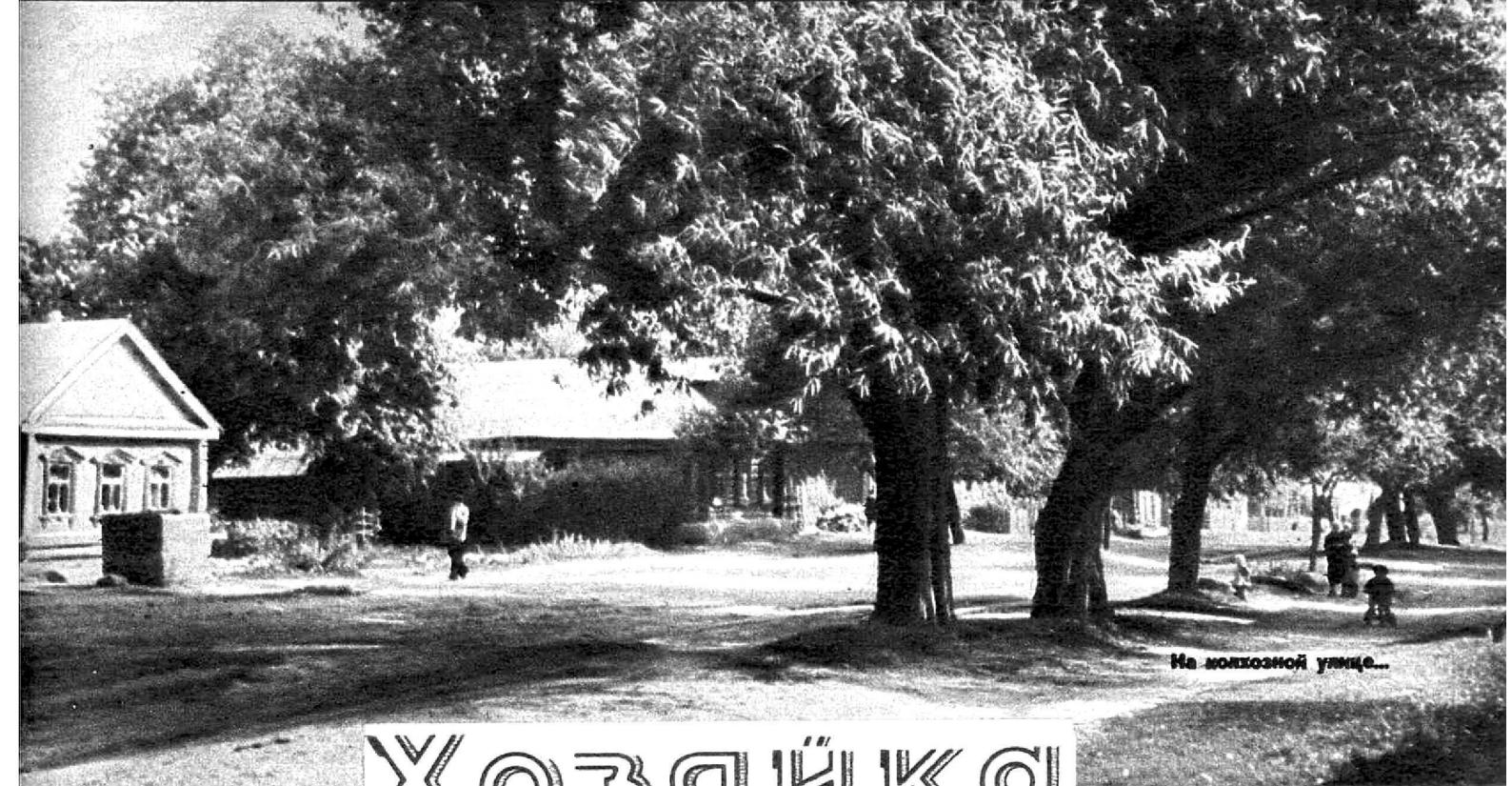
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На колхозной улице...

Хозяйка

А. ЕЛАГИНА

Фото А. Шишкина.

— Можно войти?

— Можно, можно,— отзыается Александра Федоровна и, взглянув на меня, с улыбкой разводит руками.— Нет, видно, нам здесь с вами не удастся поговорить.

Мы не видались с Александрой Федоровной целых четыре года. Да еще каких четыре года! Сложных, хлопотливых, наполненных для нее множеством событий. Есть о чем порасспросить, есть о чем порассказать. Но с самого утра дверь кабинета председателя колхоза не закрывается ни на минуту — то телятница приходит за доверенностью, чтобы ехать в район получать закупленных племенных телочек, то ночной сторож требует помощника, «поскольку созрели яблоки и кто-то озорует по садам...» И вот сейчас, только что вышел бухгалтер с подписанными чеками, как к крыльцу подкатывает полуторатонка, из кабинки вылезает грузный мужчина и кричит раскатистым басом:

— Хозяйка дома? Купцов принимает?

— Да ладно вам! Заходите. Это из потребсоюза,— негромко объясняет она мне. И к гостю:— Отрадно видеть, что вы на места стали выезжать. Садитесь.

— Все от вас, дорогуша, зависит. Пораньше помидоры вырастили — и мы тут как тут!

— Скажите лучше, что на пятки вам стали наступать. Да уж ладно! Есть помидоры. Только заранее предупреждаю: берете в счет закупа, берите и на комиссию... Чтоб нам самим по рынкам не ездить, время не терять.

Александра Федоровна Голованова ежедневно заходит на строительство нового телятника: везде нужен хозяйствский глаз!

— А как же! Больше скажу: в Москву сейчас же повезем.

Когда представитель, заполнив бланки и договорившись насчет цены, уезжает получать помидоры, она рассказывает:

— Совершенно не гибкая была организация... Привезем им овощи — класть некуда. Покуда народу продадут, половину сгноят. Сами на базаре торговали — тоже неудобно, людей от дела приходится

отрывать... Пришлось ставить вопрос на сессии горисполкома. Подействовало. Пошевеливаться стали... Кто там? Войдите.

Дверь несмело открывается, и в комнату входит несколько девочек и мальчиков с ведрами в руках.

— А! Здравствуйте. Что скажете?

— Мы из школы... В сад, яблоки снимать.

— Значит, на вкусную работу. А невкусную кто будет делать? — приторно сурово спрашивает Голованова.

— Мы делали! — торопятся оправдаться ребяташики. — Кукурузу сажали. Свеклу пололи. Я погонял быль...

— Ну, раз так — ладно! Скажите сторожу, что я прислала. Яблоки не бейте, снимайте осторожно. Да погодите, куда вы? Смотрите не обещайтесь, животы заболят... Побежали! — Она усмехается, потом говорит убежденно: — Я так считаю — пусть сызмала приучаются. Здесь, между прочим, раньше этого не было. Когда я поставила вопрос, мамаша такое подняли! Каникулы, мол, у ребят, пусть гуляют... Думаю, как быть? Говорю своим мальчишкам: «Летом в колхозе будете работать». И они было тоже, что Стасик, что Вовка: «Каникулы!» Ну, с ними-то я уж договорилась. Пошли они работать, и другие ребяташики за ними потянулись. А мы им трудодни выписали. Вот вам и велосипеды и что пожелаете! Так и пошло. Теперь сами приходят в бухгалтерию проверять, кто сколько наработал...

Она взглядывает на ручные часики и предлагает:

— Может, пойдем? Что обо мне толковать? Здоровье пока ничего, дети учатся... Посмотрите хозяйство — вот и вся тут. Кстати, сегодня у нас вторник, «день бригад».

«День бригад» организован коммунистами колхоза. Каждый вторник в бригады приходят члены правления, агитаторы. Обсуждают с колхозниками самые насущные вопросы работы и быта, разрешают конфликты. Тут же бригада решает, нужно ли вопрос перенести на правление или самим можно разобраться.

Мы идем к крытому току, где собрались полеводы. Женщины, а их большинство, тесным кольцом окружили бригадира тракторной бригады. К нему, собственно, обращается и Валентина Ивановна Воинова, уже немолодая, но очень подвижная женщина, бригадир полеводов. Говорят о подготовке к уборке кукурузы. Я с удивлением смотрю на Голованову. Дело в том, что кое-кто из председателей в районе сокрушением говорил мне, что кукуруза у них нынче «не вышла». Год неудачный, весна холодная. А тут речь идет почти о двух тысячах тонн зеленой массы да о початках. Я рассказываю об этом Головановой.

— Вы пришлите ко мне этих председателей, — многообещающе говорит Александра Федоровна, — я найду, что им сказать. Идемте, посмотрите сами.

Уже издали я вижу зеленый массив кукурузы. Мощные растения стоят сплошной стеной, поднимаясь выше человеческого роста. Из-под листвы выглядывают початки.

— Ну как? Год неудачный? Весна холодная? Злят меня эти разговоры. Будто у нас в колхозе весна другая была. Не знаю, как они там работали, а мы свою кукурузу три раза пололи, три раза подкарм-

Бережно снимают яблоки школьники Оля Баринова и Толя Любимов.

ливали. Зимой сколько навозу на поля вывезли... Сеять начали, видим: не подготовлена машина, плохо работает. Та же Воинова первая от нее отказалась. Вручную стали сеять, а рук-то мало. Ребяташиек всех созвали, деляки, свинарки — все сеяли. Зато результаты... А то — весна холодная...

Все еще полная возмущения, она ведет меня к длинному строению. Это свинарник. Здесь тихо, очень чисто. В станках неподвижно лежат свиноматки, возле них — поросыта.

— Как в санатории, «мертвый час», — не может удержать улыбки Голованова, и суровое лицо ее светлеет.

Мы проходим через свинью столовую, где вдоль стен стоят добела выскошенные корыта, через кухню, где в запарнике парится картофель и лежит мелко нарубленная зеленая масса, и находим свинарка на солнышке около кухни. Они негромко беседуют с молоденькой библиотекаршей о международных событиях. Чтобы не мешать им обсуждать итоги Женевского совещания, мы тихонько проходим мимо. Но заведующая свинофермой Крюкова поднимается с места и идет вслед за нами. Эта пятидесятилетняя женщина с еще яркими голубыми глазами необыкновенно ревниво относится ко всему, что касается ее питомцев. Ей кажется, что их интересы постоянно ущемляются. Вот и теперь она не может допустить, чтобы мы не посмотрели откормочную группу.

— Хороши свинки? — не может она удержаться от горделивого вопроса.

Еще бы не хороши! За прошлый год принесли они колхозу немалый доход.

Крюкова провожает нас до коровника и ревниво заглядывает в ворота. Здесь тоже очень чисто и тихо. Изредка шумно вздыхают упитанные холмогорки, журчit вода в автопоилках... Но из молочного отделения доносятся взволнованные женские голоса.

В приотворенную дверь мы видим: лучшая доярка колхоза Наталья Ивановна Жукова с пылающими щеками что-то доказывает прерывистым голосом. Но ее перебивают, останавливают. Я улавливаю только отдельные фразы: «Ну и что же, что твоя группа первая?.. И у нас группы!», «Тише! Я слова не давала!» — и ничего не понимаю. Но Александра Федоровна отлично разбирается, в чем тут дело. Она распахивает дверь, и при ее появлении женщины смолкают.

Обычно спокойная заведующая фермой Клавдия Григорьевна Игнатова отирает платочком пот со лба и вздыхает:

— Ох, Александра Федоровна. Уж я объясняла, объясняла...

— Значит, непонятно объясняла... — Голованова отыскивает взглядом Жукову.

— Ты что воюешь, Наталья Ивановна?

— Да как же это выходит, Александра Федоровна! — взволнованно отозвалась Жукова. — Значит, другим коровам будут отпускать такие же корма, как и моим? Ведь моя-то группа высокоудойная!

Голованова с минуту помолчала, потом заговорила мягко:

— Помнишь, Наталья Ивановна, как мы с тобой начинали? Из всего стада выбрали для тебя лучших коров. На последние деньги корма для них закупали. И ты старалась, раздавала свою группу. Рекорды стала ставить. Для чего все это? Чтоб другие пример с тебя брали. Ну, они и взяли. Надо у нас теперь — не стыдно перед людьми — три с половиной тысячи литров на корову. Скажи: разве на одних твоих рекордах мы по стольку бы взяли? А теперь мы решили еще выше убой поднимать. Пусть каждая доярка выделит из своих коров тоже высокоудойную группу. Условия есть: стадо неплохое и кормами обеспечено. А ты их учи, доярок. И смотри, сама не отстань. Понятно?

— Понятно, — не совсем уверенно говорит Наталья Ивановна.

— Вот это и надо обсуждать. А то — моя группа, твоя группа...

— Жизнь идет вперед, условия меняются, — за-

— Как нынче паслись коровушки? — интересуется доярка Наталья Жукова.

— Суди по удоям, — отвечает пастух Савелий Щербаков.

думчиво говорит Голованова, когда мы выходим из коровника. — Только и гляди, как бы не отстать. Вот закупили телочек, стадо будем увеличивать. Пойдем, кстати, посмотрим, как для них квартиру строят.

Серое бетонированное здание телятника почти готово — двери навешены, окна застеклены. Александра Федоровна, закинув голову, осматривает работу. Старший плотник почтительно следует за ней. На ходу она бросает короткие, резкие замечания. Плотник почесывает в затылке, наконец не выдерживает и не то досадливо, не то восхищенно говорит:

— Честное слово, хозяйка! Ты словно прораб какой!

— Прораб не прораб, а дефекты вижу. Не исправишь, не приму. Денежки-то народные платим. Ну-ка, веди на другое строительство!

По дороге она рассказывает:

— Когда мы строили коровник и монтировали подвесную дорожку, техник все удивлялся, откуда

На уборку кукурузы вышел комбайн.

Отличный будет кукурузный силос!

я их работу знаю. А я — днем-то некогда, так ночью — возьму у них чертежи, справочники, сижу, разбираюсь помаленьку... Секрет нехитрый. Конечно, и глаз надо придиричный иметь...

Второе строительство — это жилой дом колхозницы Ерофеевой. Весной от удара молнии сгорела ее изба. Теперь на месте пожарища стоит добротный новый дом под шиферной крышей. Плотники настилают полы. Хозяйка, маленькая суетливая статушка, то бросается в погреб, чтоб угостить нас квасом, то забывает налить в стакан и, стоя с кувшином в руках, все говорит и говорит радостно:

— Ах ты, господи!.. К вечеру готов будет! Дом-то под шифером! Сынок ничего и не знает... Вернется из армии, а тут дом...

Мы выходим на пригорок и медленно спускаемся к лугам и огородам. Все Сабурово перед нами — с его старыми, мохнатыми ветлами, с новым кирпичным зданием правления, с огромными, как ангары, строениями скотных дворов, с куполом силосной башни и стройным силуэтом водонапорной. Голованова окидывает взглядом село и вдруг говорит:

— А помните, как здесь было?

Ну как не помнить!

* * *

Пасмурным утром ранней весной 1951 года в село Сабурово пришла высокая круглоголицая женщина лет тридцати пяти, в резиновых сапогах, в простом полушалке. Кто приметил ее, а кто и не при-

метил — в те дни много разных уполномоченных и ревизоров побывало в селе, после того, как тогдашний председатель растратил колхозные деньги и попал под суд. Женщина прошла в контору, просмотрела бухгалтерские книги, постояла в полуразрушенном хлеве, где прямо в навозе лежали отощавшие коровы и телята, зашла в такой же плохой свинарник, где повизгивали голодные свиньи. Целый день она ходила по топким еще полям, побывала в деревнях Губино и Очаково, распросила людей, как живут, заглянула на склад...

Под вечер в Сабурово приехало районное начальство проводить собрание. Женщина тоже пришла в клуб и скромно села в уголке. Круглое лицо ее осунулось не то от усталости, не то от огорчения, серые глаза сердито смотрели из-под сведенных бровей. И тут из выступления секретаря горкома выяснилось, что эта женщина, Александра Федоровна Голованова, и есть тот кандидат в председатели, которого обещал райком. Народу на собрании было немного, всего-то в колхозе осталось пятьдесят трудоспособных. Женщины поглядывали на Голованову, потом одна выступила:

— Может, нам лучше кого своего выдвинуть?

Ей возразили:

— Был свой... хватит.

Поднялся бригадир Смирнов, покрутил головой:

— Так бы, может, и ничего... Только вот имеется сумление, что они, извините, женщина. Тут и доброму мужику не сдюжить...

За эту речь Голованова метнула в него такой взгляд, что он сразу закашлялся и сел.

Все засмеялись. Она начала тихо, с такой болью в голосе, что смех оборвался:

— Вы можете меня и не выбирать. Воля ваша. Но как вы могли довести свое хозяйство до такого состояния? Телята во вshaх, свиньи, как волки, с голода воют, уши у них крысы отгрызли. А вы терпите. Да тут каменное сердце надо иметь! — Гневный голос ее теперь звучал на весь клуб. — На таком богатстве сидите! Земля какая, луга, пойма. Вы что, слепые, что ли? У вас на складе добрых семнадцать тонн овса с викой заколочено, проросло уже все, а вы скотину голодом сморили... Как хотите, но терпеть такое безобразие невозможно!

Как ни странно, эта сердитая речь понравилась. В перерыве колхозники вертели цыгарки, одобрительно переговаривались:

— Крутенька. Так и режет...

— А что? — откликались женщины. — Все правда. Теперь кончились ваши пьяники с председателем. Она окоротит...

Голованову выбрали...

— Это только начало было, — усмехается она, пожевывая травинку. — Ту ночь просидела я в конторе, не ложилась. Все думала: с чего начать? Животноводство надо поднимать. А тут сев на носу. Ни семян, ни мешков, ни удобрений, вожжей даже нет. Надо, думаю, со всего сразу начинать, а главное, с людей. Вышла на улицу, еще темно было. Вижу, в коровнике свет. Значит, доярки на месте. Это хорошо. Тихонько отворила дверь. И что же вижу? Они коров подоили и пьют молоко прямо из ведер да еще в бутылочки отливают. «Это что же, — говорю, — вы делаете?» Они: «Ах!» — и будто онемели. Потом одна говорит: «Неладно, сами

понимаем. Как же теперь быть?» Поглядела я на них, вижу, со стыда «горают». «Посмотрим,— говорю,— что правление скажет. Ему решать». Они стоят, глаз не поднимают. И зло меня берет и жалко их. «Ну,— говорю,— так и будем стоять? Давайте хоть навоз выгребем». Взяла лом, стала пластины откалывать. Они все стоят, смотрят. Думаю: есть у них совесть или нет? Потом вижу, одна взяла вилы, другая, все стали работать. Так молчком выгребали до обеда. Потом я ушла: дел-то сколько... Я так рассчитала — вики с овсом пока хватит, чтоб скот прокормить, да еще часть продать можно. Лошадей голов пятьдесят тоже можно продать. Для чего бывший председатель столько коней держал? Любитель, что ли? На эти деньги с долгами рассчитаемся, купим семян. Долги в банке закроем, можно будет кредиты просить. Стала ездить я каждый день в район договариваться о всех этих дела, а правление пока не собираю. Да нет-нет — загляну в коровник.

Женщины мои даже с лица спали. Зато чистота удивительная, и скотина в себя пришла, удои поднялся. В это время как раз шефы прислали нам рабочую силу, много народа, больше, чем надо. Явилась тут у меня одна мысль. Шефствует над нами шиферный комбинат. Поехала я к директору. Представилась и говорю: «За помощь спасибо, только при хорошем порядке столько народа не надо, по-

ловину можно отпустить. А уж если хотите помочь, так из отходов, из брака, продайте немного труб и шифера — строиться будем. А мы ваши столовые будем овощами и молоком снабжать». Он подумал и говорит: «Это можно». Поехала я с таким же предложением на цементный завод. Цементные плиты у них бракованные бывают — нестандартные, сбитые. И там договорилась.

Вечером собрались мы, коммунисты колхоза. Поговорили обстоятельно. И созвали правление с широким активом.

Доложила я обо всех делах, обсудили план посевной, договор с МТС подписали, вынесли решение просить в сельхозбанке кредит на постройку коровника и свинарника. А доярки мои сидят, вздыхают. Под конец я говорю: «Есть тут у нас еще один вопрос». И докладываю о том, что видела. Доярки в слезы: «Простите. Мы от несознательности». Я и сама понимаю, что от несознательности — люди за свой труд ничего не получали, так хоть молочка, мол, попить. Но чтобы прочувствовали свою вину перед коллективом, обсуждаем их по всей строгости. Наконец вношу предложение: на этот раз простить. И пусть, говорю, своей работой вину перед колхозом загладят...

Поворотное это было заседание. Народ понял мое стремление к порядку. И стали люди работать. В парниках ранние овощи вырастили, тридцать ты-

Хорошо трудится и весело отдыхает звено Тони Оспенковой: звеньевая к тому же и гармонист.

сяч за них взяли! Огороды засадили, посевную кончили в срок. А тут и материалы подвезли, стройка началась...

Работы с каждым днем все больше, и вижу я: мало у нас народу. Ну что такое пятьдесят человек, когда одной пашни у нас до шестисот гектаров! А луга? А огороды? А фермы? Населения у нас много, но когда в колхозе дела пошли неважные, потянулись люди кто на производство — вокруг ведь заводы,— кто куда... Как только выдали мы на трудодни — а выдали прилично,— пошли члены правления по домам беседы вести. Кое-кто вернулся в колхоз тогда же. Ну, и производственники стали после смены помогать, трудоднем заинтересовались. В прошлом году, когда выдали мы на трудодень по три рубля восемьдесят копеек деньгами да по два кило пшеницы, еще несколько человек вернулось в колхоз. Нынче по семь рублей выйдет да хлеб, овощи,— еще придут... Но не на них главная наша надежда...

* * *

...На широкой полосе поймы ровными рядами спускаются к реке темнозеленые кудрявые головы поздней капусты. Над ними вздымаются два гигантских водяных веера. Солнце отражается в распыленной воде, и кажется, что две радуги стоят над полем. Мерно стучит мотор, посапывает насос. Два паренька лет по семнадцати поводят шлангами — поливают капусту.

Дальше, возле томатной плантации, стоит грузовая машина, рядом с ней виден знакомый силуэт представителя из райпотребсоюза. Оттуда доносятся громкие голоса.

Толстяк что-то с жаром доказывает молоденькой девушке, которая стоит перед ним, сердито хмуря светлые брови.

— Что вы мне говорите? — перебивает она его.—

Колхозница М. Дронова за сбором помидоров.

Что я, слепая? Это вам нестандартный помидор? Это? Это? — И она показывает один за другим крупные розовые помидоры.— Какие же тут двадцать пять процентов нестандартов? Вот что. Мы вам отдельно будем укладывать нестандарт. Увидите, больше десяти процентов не выйдет.

Он пытается что-то возразить, но вмешивается Александра Федоровна:

— Правильно, Тоня. Береги колхозную копейку. Не так-то легко она достается.

Толстяк машет рукой и отдувается. Тоня бросает на него торжествующий взгляд и отходит к рядкам, где стайка девушки торопливо собирает в корзины спелые помидоры.

— Вот где наша надежда,— говорит Александра Федоровна, и глаза ее теплеют.— Работать сильны — не придерешься. А эту Тоню Оспенкову я приметила, когда она еще в шестом классе училась. Такая девчушечка была, как веретенце,— поворотливая, настойчивая. Весь класс за собой приведет, всякая работа для нее хороша, и до всего ей дело. Позапрошлый год кончила Тоня семилетку. Спрашиваю: «Может, в колхозе останешься?» «Нет, пойду в техникум». Ну, ладно. А в техникум она по конкурсу не прошла. Ходит девка, как туча. Позвала я ее к себе: «Ну чего ты хочешь?» «В город хочу, работать буду, учиться». «И здесь можно работать и учиться». «Ну да, жить в колхозе...» «А что? Я вот живу же в колхозе!» «Так то вы, председатель, а я...» «Что ж, я из другого теста, что ли? Как и ты, окончила семилетку. Осталась у себя в колхозе счетоводом. Скушать некогда было — я и в совете, я и с комсомольцами, я и в поле. Началась война, меня бригадиром сделали, потом в председатели выбрали. На первое место вышел наш колхоз в районе. Теперь вот здесь работаю. Хвалиться не буду, а от народа почет и уважение. Ты ж сама за меня голосовала, когда выбирали меня в Верховный Совет! При Советской власти что в городе, что в деревне человеку большая цена, лишь бы сн сам чего-нибудь стоил...»

Так поговорила с ней. Она подумала, подумала и через день пришла: «Останься в колхозе». Мы ее на правлении в звеньевые выдвинули. Она сама себе и звено собрала из девушек. Стала хорошо работать — комсомольцы ее секретарем выбрали... На будущий год еще человек двадцать должны семилетку окончить, так они уже теперь к ней в звено просятся. Тогда мы бригаду создадим — и Тоню бригадиром...

Проворно мелькают молодые руки — девушки укладывают помидоры в ящики. Тоня успевает сортировать помидоры, следить за весом, отдавать приказания грузчикам. И сама, верно, не замечает, как всей своей повадкой — строгим, прямым взглядом, быстрыми, легкими движениями — невольно подражает Александре Федоровне...

Колхоз «Труд»,
Воскресенский район,
Московская область.

ЗИМНИЙ ВЗЯТ!

В. Серов.

Юннаты на Всесоюзной
сельскохозяйственной выставке
у памятника И. В. Мичурину.

Цветное фото А. Шишкина.

Великий преобразователь природы

CТО лет назад, 28 октября 1855 года, в лесной сторожке, что стояла на опушке бересковой рощи, вблизи деревни Долгое, Пронского уезда, Рязанской губернии, родился человек, который внес огромный вклад в дело преобразования природы. За свою жизнь Иван Владимирович Мичурин вывел более 300 новых сортов плодово-ягодных и других сельскохозяйственных растений. Удалось это сделать Мичурину потому, что он раскрыл неизвестные прежде законы, зная которые человек может теперь уверенно переделывать природу растений и животных, чтобы они лучше служили ему.

Кто в нашей стране не слышал имени Мичурина, не знает слова «мичуринец»! Последователи Мичурина есть чуть ли не в каждом совхозе, колхозе. Многие колхозы носят имя великого русского ученого. На сотни тысяч гектаров раскинулись чудесные мичуринские сады. Учение Мичурина оказало влияние на всю практику нашего сельского хозяйства, на всю науку о жизни организмов — биологию.

Первые шаги

Прадед, дед и отец Ивана Владимировича были любителями-садоводами. Прадеду ученого удалось в XVIII веке вывести сорт груши, который получил название «мичуринская».

С юных лет маленький Ваня помогал отцу в работе по саду. Учился «садовой хирургии» — искусству владеть ножом для прививок черенков и глазков, уходу за деревьями.

С другим учением — в школе — не повезло. После окончания уездного училища его отдали в Рязанскую гимназию, но оттуда вскоре исключили «за непочтительность к начальству»: не снял во время шапку перед директором. Пришлось поступить работать конторщиком на железную дорогу в город Козлов (этот город в 1932 году переименован в Мичуринск).

В деревнях и селах средней полосы России, где жил Мичурин, сады, особенно крестьянские, были жалкими. Здесь обычно произрастало несколько одних и тех же малоценных летних сортов яблонь и груш. Они не выдерживали сравнения с вкусными, нежными и хорошо сохраняющимися зимой южными фруктами.

«Печальная картина русского садоводства вызвала во мне острое до боли желание переделать все это», — написал позже о своих тогдашних стремлениях Иван Владимирович.

Переделать русское садоводство! Но как? Правильный ответ был найден не сразу. Сначала садовода постигали неудачи, и очень жестокие.

Иван Владимирович попытался по методу известного тогда садовода Грелля акклиматизировать, привить к климату центральной части России южные сорта плодовых растений. Как и другие садоводы того времени, он брал черенки южных сортов и прививал их в крону зимостойких деревьев. Но

привитые «неженки» не выживали, в первый же морозный год они полностью гибли. Стал пробовать Мичурин высевать в Козлове, в садике своей жены Александры Васильевны, семена южных плодов. Но сеянцы тоже оказались «зябкими»: не выдерживали суровых условий.

Так шел год за годом. Иван Владимирович, увлеченными своими опытами, вынужден был оставить службу на железной дороге. Чтобы заработать на хлеб, на свои опыты, он стал часовщиком, принимал заказы на починку разных механизмов. Много пересадок южных растений провел Иван Владимирович, а успехов все не было. Старый путь акклиматизации южных растений, по которому шли все садоводы, оказался негодным, следовало искать другой путь. И Мичурин нашел его. Он начал создавать новые сорта растений с помощью скрещивания (гибридизации) между собой старых сортов.

По плану человека

Мичурин установил, что при скрещивании в природе действует ряд законов. Если скрестить, например, старый, давно созданный сорт растения с сортом молодым, то заранее можно сказать: у потомка (гибрида) в большинстве случаев будут преобладать признаки старого сорта. Старое, несколько раз плодоносившее дерево тоже с большей силой передает по наследству свои свойства, чем молодое, впервые плодоносящее. Если скрестить два сорта — местный и привезенный с юга, — то у потомства будут преобладать признаки местного сорта.

Сейчас каждый садовод знает эти законы, но когда Мичурин открыл их, многие ученые называли это выдумкой. Они кричали, что Мичурин — недоучка, который хочет проникнуть в непознаваемые законы наследственности.

Мичурин не испугался этих обвинений. В саду Ивана Владимировича находились убедительные доказательства открытых им законов.

Когда в начале своих работ по гибридизации Мичурин хотел улучшить местные сорта груш, он скрестил их с крупноплодными зимними южными. Плоды гибрида были хотя и вкуснее, чем у местных сортов, но мелкие, созревали летом, в зимнюю лежку не годились. Иван Владимирович теперь знал, чем это вызвано: гибриды переняли главным образом качества местного сорта. Тогда он стал скрещивать южные сорта не с местными, а тоже с привозными сортами, родом с Дальнего Востока. Теперь никто из родителей не имел преимущества перед другим: для обоих были непривычны климатические и почвенные условия Козлова. Мичурин скрестил южную грушу «Берес рояль» с молодым, впервые зацветшим деревцем «Уссурийской груши». Из полученных гибридов он отобрал один, обладавший замечательными свойствами. Этот гибрид не боялся морозов, как и его уссурийская мать; его плоды созревали в лежке к ноябрю—декабрю, сохранялись до марта — апреля, как и плоды отцов-

ского сорта «Бере рояль». Так был выведен единственный до сих пор сорт зимней груши для всей средней зоны европейской части СССР — «Бере зимняя» Мичурина.

Мичурин научился правильно подбирать родительские пары, заранее определять, какие качества унаследует потомок — гибрид. Но главное, по мысли Мичурина, начиналось после получения гибридного семечка.

У гибридного сеянца, выросшего из такого семечка, установил Мичурин, «расшатанная» наследственность. Если старый сорт стремится передать по наследству свои качества, то гибрид не «цепляется» за них. Изменение во внешней среде — в почве, в уходе — вызывает изменения и в организме гибрида, которые передаются по наследству. Меняя внешние условия, можно добиться, чтобы гибридные растения от поколения к поколению изменялись в нужную сторону, можно воспитывать в них разные хозяйственно-ценные качества.

Каким же образом воспитывать гибриды? Мичурин разработал ряд способов. Прежде всего он подбирал подходящую почву. Он установил: если гибридное семечко, в получении которого участвовал один из нежных привозных сортов, высевать в тучную почву, то сеянец вырастет изнеженным, будет плохо переносить холод. Поэтому Иван Владимирович решил воспитывать гибриды на тощих почвах. Как назло, в небольшом саду Ивана Владимира почвы были тучные. И вот Иван Владимирович покидает свой сад, на который ушло столько трудов, и все растения переносит на тощие земли пустыря.

При выращивании гибридов, полученных от выносливых сортов, Мичурин рекомендовал воспитывать их на хорошо удобренных почвах. В зависимости от того, с каким растением ученый имел дело, какие хозяйственно-ценные признаки хотел в нем воспитывать, Иван Владимирович увеличивал или уменьшал количество минеральных удобрений, влаги, решал, какую обработку почвы надо вести. Изменяя внешние условия, Мичурин воспитывал гибридный сеянец, направленно изменяя его природу, вызывая проявление наиболее полезных признаков и устранил нежелательные.

Одним из главных способов воспитания растений явился открытый Иваном Владимировичем так называемый метод ментора. Слово «ментор» означает воспитатель. В качестве воспитателей-менторов для молодых растений Мичурин взял другие, более старые растения, свойства которых он хотел передать гибридам. Вот скрещены два вида плодовых. Получился гибрид. Он унаследовал часть качеств отца, часть — матери. Но надо бы в нем еще усилить качества матери и ослабить отцовские. Как это сделать? Иван Владимирович берет черенок гибрида и прививает его в крону материнского дерева. Питаюсь соками материнского дерева, гибрид начинает перестраивать свою природу, приближать ее к материнской. Закономерно в качестве ментора использовать и отца и другие сорта, некоторые качества которых требуется передать гибридам. Можно прививать на гибридное дерево черенки других сортов. В этом случае гибрид будет служить подвоем, а черенки других сортов — привоем. Привой тоже оказывает воспитательное влияние на гибрид.

Иван Владимирович Мичурин.

Один и тот же черенок гибрида Иван Владимирович переносил то на одно, то на другое растение, прививал на гибрид по 7—8 разных черенков-воспитателей. Благодаря каждой такой «операции» Мичурин передавал гибриду от одного сорта быстрое плодоношение, от второго — зимостойкость, от третьего — лежкость и т. д. Ему удавалось создавать плодовые растения, которые объединяли в себе ценные качества нескольких лучших сортов.

Против лженауки

Работы Мичурина имели огромное практическое и теоретическое значение. Иван Владимирович наголову разбил многие господствовавшие до него в науке ложные теории.

В середине прошлого века великий английский ученый Чарлз Дарвин доказал, что огромное количество видов живых организмов возникло не сразу. В отдаленейшие времена на земле зародились только простейшие организмы. Они развивались, постепенно образовывали все новые и новые виды. Отчего организмы не остаются неизменными? Дарвин дал ответ: меняются условия жизни, изменяются организмы. После смерти Дарвина его учение опроверглось и искажалось некоторыми учеными. Ученые-идеалисты, верившие в божественные силы, проповедовали, что внешняя среда никакого влияния на изменения в организме, на его наследственность не имеет. Животные и растения передают по наследству свои качества, утверждали эти ученые, только с помощью особого, таинственного наследственного вещества,